

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

Д.П. Миртов

**Нравственный идеал по преданию
Климента Александрийского:
реферат, читанный С.-Петербургском
Философском Обществе 12 окт. 1899 года**

*Опубликовано:
Христианское чтение. 1900. № 5. С. 819-850.*

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПбДА
Санкт-Петербург
2009

Нравственный идеалъ по представленію Климента Александрійскаго ¹⁾.

ПЛОЖИТЕЛЬНАЯ сторона нравственнаго совершенства гностика обнаруживается въ любви къ Богу и вытекающемъ изъ нея добродѣлиани. Эта черта въ гностическомъ идеалѣ уже всецѣло христіанскаго происхожденія, хотя и она нѣсколько своеобразно представляется Климентомъ, подѣ влияніемъ возрѣвнй философскихъ.

Любовь является плодомъ знанія. Давая возможность оцѣнить по достоинству всѣ вещи, существующія въ мірѣ, знаніе внушаетъ гностику отдать предѣ всѣмъ предпочтеніе нравственному благу, какъ благу въ истинномъ значеніи этого слова. Кто не знаетъ природы вещей и различія въ достоинствѣ благъ, тотъ не можетъ ни имѣть желанія истинныхъ благъ, ни молиться объ ихъ ниспосланіи, ни воспользоваться ими, если даже получилъ ²⁾. Желаніе избирать нравственно прекрасное и соотвѣтствующее этому желанію настроеніе дается только знаніемъ. Гностикъ знаетъ истинно прекрасное и потому и любитъ его и избираетъ его изъ за него самого ³⁾. Впрочемъ, эти соображенія согласны съ тѣмъ, чему учить и философская этика въ отдѣлѣ о благѣ. Но христіанская точка зрѣнія Климента придаетъ имъ особый смыслъ. Говоря неоднократно, что знаніе порождаетъ любовь къ истинному благу ⁴⁾, Климентъ понимаетъ это благо не отвлеченно, какъ

¹⁾ См. апрѣльскую кн. за 1900 г.

²⁾ Str. VI. 14. 796, IV. 23. 630.

³⁾ Ibid. I. 6. 336. Pal. ed. I. 12. 157; Str. IV. 22. 630.

⁴⁾ Ibid. VII. 10. 867. IV. 22. 625.

стойки, а конкретно, какъ благо, олицетворенное въ Богѣ. Богъ есть Высшее Благо,—и любовь къ Богу всегда присуща гностику ¹⁾).

Въ ученіи Спасителя заповѣдь о любви къ Богу представляетъ первую и большую заповѣдь закона; вторая же, подобная ей, есть заповѣдь любви къ ближнимъ. Обѣ заповѣди даны, такимъ образомъ, какъ двѣ отдѣльныя заповѣди, хотя между ними утверждается и внутренняя связь, поскольку и дѣятельная любовь къ ближнимъ осуществляется по любви ко Христу, ради Него, и во имя Его. Климентъ придаетъ любви къ Богу столь высокое и всеобъемлющее значеніе въ нравственной жизни христіанина, что заповѣдь о любви къ ближнимъ понимается у него не столько въ смыслѣ отдѣльной отъ «большей заповѣди въ законѣ», «подобной» ей, заповѣди, сколько въ смыслѣ одного среди многихъ другихъ нравственныхъ предписаній, которыя всѣ предполагаются заключенными въ единомъ источникѣ—заповѣди о любви къ Богу и изъ него вытекаютъ, но предъ которыми заповѣдь о любви къ Богу стоитъ какъ единственная и дѣйствительно «наибольшая» заповѣдь. Въ этомъ отношеніи интересно толкованіе двухъ заповѣдей о любви, данное Климентомъ въ его трактатѣ «*Quis dives salvetur?*» ²⁾

На вопросъ юноши: „какая большая изъ заповѣдей?“ Учитель отвѣчаетъ: «возлюби Господа Бога твоего всею душею твоею и всею силою твоею. Больше этой заповѣди нѣтъ (Мѡ. XXII, 36—38)». И совершенно справедливо, замѣчаетъ Климентъ: ибо она относится къ Первому, Величайшему, самому Богу, Отцу нашему, чрезъ Котораго все произошло и къ Которому все спасенное возвратится. Итакъ, нечестиво было бы, если бы мы, искони предвозлюбленные Имъ и получившіе отъ Него бытіе, почитали что либо другое, кромѣ Него, старѣйшимъ и достойнѣйшимъ почтенія. Вѣдь эту только ничтожную благодарность мы можемъ воздать Ему за многое отъ Него полученное, а болѣе мы ничего не въ состояніи выдумать, чѣмъ бы отплатить совершенному и не имѣющему нужды Богу. И чрезъ эту любовь къ Отцу по силѣ и возможности мы наслаждаемъ нетлѣніе, ибо чѣмъ болѣе кто любитъ Бога, тѣмъ въ ближайшее онъ приходитъ единеніе съ Нимъ. Вторая по по-

¹⁾ Str. II. 12. 457.

²⁾ Гл. 27—30.

рядку и неменьшая заповѣдь: «возлюби ближняго твоего, какъ себя самого (Мѳ. XXII, 39). Кто же ближній мой? Выяснивъ изъ притчи о милосердомъ самарянинѣ, что ближнимъ, по слову Спасителя, является оказавшій милость, Климентъ продолжаетъ: «Кто другой можетъ быть такимъ ближнимъ, кромѣ самого Спасителя? Кто болѣе его помиловаль насъ, почти мертвыхъ отъ многихъ ранъ міродержателей тьмы вѣка, отъ страховъ, вождельнѣй, гнѣвовъ, печалей, обольщеній, похотей? Одинъ только врачъ этихъ ранъ—Иисусъ, съ корнемъ вырывающій страсти. Любить же Христа тотъ, кто творить и соблюдаетъ Его заповѣди... Это—первый исполнитель заповѣди о любви къ ближнимъ. Второй же тотъ, кто оказываетъ честь вѣрующимъ во Христа и попеченіе о нихъ. Ибо если кто дѣлаетъ что либо для ученика, Господь принимаетъ то на Себя и считаетъ сдѣланнымъ для Него. (Приводятся въ доказательство этой мысли слова Матѳ. XXV, 34 и д. X, 40; XVIII, 10 и под.).

Цѣль жизни въ томъ, чтобы сдѣлаться любящимъ Бога ¹⁾, и эта цѣль выполняется въ любви гностика. Гностикъ только ею руководится въ своей жизни и дѣятельности: если другіе добродѣтельны по мотивамъ страха и надежды, онъ имѣетъ въ виду одну только цѣль—угожденіе Богу, а не какую-либо награду за труды. Тѣ, кто по мотивамъ постороннимъ дѣлаютъ добро, еще не мужи въ любви къ Богу, какъ гностикъ. Есть вѣдь и въ церкви, какъ въ гимнастическихъ ристалищахъ, вѣнки для мужей и для дѣтей. Любовь же избирается сама по себѣ, а не ради чего-либо другого ²⁾. Любовь къ Богу является движущимъ мотивомъ всякой дѣятельности гностика и наполняетъ всю его жизнь: все богопочитаніе или богоуподобленіе есть не что иное, какъ любовь, иначе говоря, непрестанный подвигъ ради Бога на почвѣ неослабѣвающей любви ³⁾.

Намъ повелѣвается чтить Спасителя нашего Логоса, а чрезъ Него Отца—не въ избранные дни, а всю жизнь и всячески. Поэтому не въ опредѣленномъ мѣстѣ, не въ избранномъ храмѣ, ни тѣмъ болѣе только въ нѣкоторые праздники и предназначенные дни, но всю жизнь, во всякомъ мѣстѣ,—

¹⁾ Str. V, 14. 704.

²⁾ Ibid. VII. 11. 871 и д.

³⁾ Ibid. IV. 16. 608; VII 1. 829.

гдѣ онъ найдетъ нѣкоторыхъ единовѣрцевъ,—даже если онъ останется одинъ самъ съ собою, гностикъ чтить Бога т. е. исповѣдуетъ Ему благодарность за гносисъ и за образъ жизни. Гностикъ во всемъ являетъ себя достопочтеннымъ и радостнымъ; достопочтеннымъ вслѣдствіе общенія съ Богомъ, радостнымъ вслѣдствіе размышленія о благахъ, дарованныхъ отъ Бога людямъ ¹⁾). Всегда благодаря Бога за все,—черезъ слушаніе правды, чрезъ чтеніе божественнаго, чрезъ святое приношеніе, чрезъ блаженную молитву, восхваляя, благословляя, поя псалмы и гимны, никогда ни въ какое время не отдѣляется отъ Бога таковая душа. И если гностика постигнуть безчестіе, преслѣдованіе, изгнаніе, если ему грозитъ даже смерть, никогда не отвлекутъ его отъ свободной и превосходнѣйшей любви къ Богу, которая все терпитъ и все переноситъ. Справедливо посему сказано: надѣющіеся на Бога познаютъ истину и вѣрные въ любви пребудутъ у Него (Прем. III, 9) ²⁾). Такая любовь дѣлаетъ гностика другомъ и сыномъ Божіимъ (къ любящему именно обращены слова Господа «уже я не называю васъ слугами, но друзьями (Іоан. XV, 15)» мужемъ совершеннымъ, достигшимъ въ мѣру возраста. А такъ какъ дружба имѣетъ завершеніе въ подобіи, то гностикъ, любя Бога, является истинно подобнымъ Ему и мужемъ по своему нравственному совершенству ³⁾).

Любовь гностика къ Богу служитъ нервомъ всей его жизни, всѣхъ помысловъ, чувствованій и поступковъ. Она лежитъ въ основѣ всѣхъ добродѣтелей гностика, но преимущественно обнаруживается она въ любви къ ближнимъ. Гностикъ не обыкновенною любовью любитъ кого либо, но любитъ Создателя въ Его твореніяхъ ⁴⁾). Всѣ люди—дѣло одной воли ⁵⁾) и гностикъ оказываетъ самоотверженную любовь къ подобному себѣ по любви къ Создателю рода человѣческаго ⁶⁾) и по подобію Ему. Господь нашъ за своихъ злодѣевъ и ради очищенія невѣрныхъ испилъ чашу. Подражая Ему, апостолы, какъ истинные гностики и совершенные, пострадали за основанныя ими церкви. Слѣдуя этому примѣру, и всякій гностикъ по любви къ

¹⁾ Str. VII. 7. 851 и д.

²⁾ Str. VI. 14. 797; IV, 7, 587.

³⁾ Str. VII. 11. 872.

⁴⁾ Str. VI. 9. 766.

⁵⁾ Ibid. VII. 13; 881

⁶⁾ Ibid. II. 18. 477.

Господу долженъ такъ возлюбить ближняго, чтобы, если придется, безъ колебанія претерпѣть страданія за церковь и испить чашу ¹⁾. Любовь не ищетъ своего (1 Кор. XII, 22), но на брата изливается: вокругъ него она бушуетъ, вокругъ него она цѣломудренно неистовствуетъ ²⁾. Проявленія ея разнообразны.

Отрицательно обнаруживается она въ терпѣннѣи, кротости, въ отсутствіи зависти, ревности, ненависти, злопамятства, — и положительно — въ смыслѣ всякаго рода благотворительности.

Сферою для отрицательнаго обнаруженія любви служить главнымъ образомъ отношеніе къ врагамъ. Для гностика, какъ и для Бога, — собственно нѣтъ враговъ. Богъ не можетъ быть никому врагомъ, ибо Онъ — всѣхъ Творецъ. Мы называемъ врагами Его тѣхъ, кто не повинуется Ему и не поступаетъ по заповѣдямъ, какъ бы ненавида завѣтъ Его. То же нужно сказать о гностикѣ. Самъ онъ никому никогда никакимъ образомъ не можетъ быть врагомъ, а его врагами могутъ считаться развѣ только тѣ, кто идутъ неправымъ путемъ ³⁾. Да и можетъ ли кто быть и ему врагомъ по законной причинѣ, если онъ никогда не подаетъ никакого повода ко враждѣ и никакого соблазна другимъ. Чтобы показать какъ велика должна быть чистота гностика въ этомъ отношеніи, Климентъ приводитъ слѣдующее преданіе объ ап. Матѳеѣ: ап. Матѳеѣй, по преданію, всякій разъ говорилъ: «если согрѣшитъ сосѣдъ избраннаго, то согрѣшилъ и самъ избранный, ибо, если бы послѣдній велъ себя такъ, какъ повелѣваетъ Логось, то и сосѣдъ устыдился бы его жизни и не грѣшилъ» ⁴⁾. Поэтому же, если кто нибудь предъ христіаниномъ обвиняетъ другого, то христіанинъ безъ ложнаго стыда долженъ прямо сказать обвиняющему: «перестань, братъ, я ежедневно въ еще болѣе тяжкія прегрѣшенія впадаю; какъ же могу я осуждать его?». Такимъ отвѣтомъ можно пріобрѣсти двойную пользу: излечить и себя самого и ближняго ⁵⁾. Не подавая повода ко враждѣ и не считая никого врагомъ себѣ, гностикъ, если тѣмъ не менѣе найдутся люди, къ нему непріязненно расположенные, не питаетъ къ таковымъ враждебнаго чувства.

¹⁾ Ibid. IV, 9. 597.

²⁾ Quis d. 38, 956.

³⁾ Str. VII, 12. 873.

⁴⁾ Ibid. 13. 882.

⁵⁾ Fragm. ex Ant. Melis, 1020.

Если кто и ненавидит избраннаго, то послѣдній объясняетъ это невѣдѣніемъ ненавидящаго и, зная таковое, сожалѣетъ только о его ослѣпленіи ¹⁾; но никогда не помнитъ зла и не досаждаетъ никому, хотя бы кто и казался достойнымъ ненависти за свои поступки ²⁾; никогда не помня того, въ чемъ противъ него согрѣшили, и всегда прощая, онъ въ правѣ молиться: отпусти намъ, ибо и мы отпускаемъ ³⁾. Богъ сіяетъ солнце свое на праведныхъ и неправедныхъ и самого Господа послалъ для праведныхъ и неправедныхъ. Стремясь уподобиться Богу по многому непамятозлобію, гностикъ отпускаетъ грѣхи седмижды семь разъ, т. е. втеченіе всей жизни, хотя бы кто втеченіе всей жизни оскорблялъ его ⁴⁾. Такъ онъ поступаетъ, слѣдуя заповѣди Господа и Его апостоловъ.

Въ словахъ: «какъ смѣетъ кто у васъ, имѣя дѣло съ другимъ, судиться у нечестивыхъ, а не у святыхъ? Развѣ вы не знаете, что святые будутъ судить міръ? (1 Кор. VI, 12)», ап. Павелъ, —изъясняетъ Климентъ, —научаетъ не только тому, чтобы гностикъ предпочиталъ скорѣе получать оскорбленія, чѣмъ самому оскорблять другихъ, но и тому, чтобы онъ былъ непамятозловивъ, чтобы онъ не молился объ отмщеніи оскорбившему, —ибо Господь прямо заповѣдалъ молиться за враговъ. Итакъ, оскорбленному судиться у неправедныхъ — это означаетъ не иное что, какъ казаться желающимъ отплатить за обиду и въ свою очередь сдѣлать уже вторичную неправду. —Хотѣтъ же судиться у святыхъ —значитъ молитвою просить Бога и святыхъ объ отмщеніи обидчикамъ. Творящіе такую молитву лучше первыхъ, однако, и они не будутъ вполне безстрастными, —до тѣхъ поръ, пока сдѣлавшись совершенно незлопамятными, они не помолятся, по заповѣди Господа, за враговъ. Апостоль и требуетъ, чтобы праведникъ не только одно свое имущество уступалъ другимъ, именно людямъ его обидѣвшимъ, но желаетъ, чтобы онъ отъ оныхъ судей (т. е. отъ святыхъ) просилъ отпущенія грѣховъ тѣмъ, кто согрѣшилъ противъ него ⁵⁾. Итакъ, должно любить враговъ; въ этомъ высшее обнаруженіе любви къ ближнимъ.

¹⁾ Str. IV. 22. 627.

²⁾ Ibid. VII. 11. 868.

³⁾ Ibid. 13. 881.

⁴⁾ Ibid. 14. 884.

⁵⁾ Ibid. 883—884.

Но любить врага, замѣчаетъ Климентъ, не значитъ любить зло, или нечестіе, или любодѣяніе или воровство, но значить—любить вора, нечестивца, любодѣя—не за то, что онъ согрѣшилъ и такимъ образомъ пятнаетъ имя человѣка, а за то, что онъ человѣкъ и твореніе Божіе ¹⁾).

Положительнымъ обнаруженіемъ любви къ ближнимъ служить благотворительность. Въ приведенныхъ разсужденіяхъ Климента объ отношеніи къ врагамъ мы видимъ уже отчасти такое положительное проявленіе любви: гностикъ не только не помнитъ зла на врагахъ и самъ прощаетъ имъ обиды, но и молить Бога о прощеніи ихъ грѣховъ. И другими способами христіанинъ долженъ оказывать имъ любодѣяніе. Уже ветхозавѣтный законъ предписываетъ благожелательное отношеніе къ врагамъ. Среди различныхъ его постановленій, воспитывающихъ милосердіе (объ отношеніи къ должникамъ, о жатвѣ, о собираніи винограда, о седьмомъ и пятидесятомъ годѣ и т. п.) благочестіе, общительность, справедливость и человѣколюбіе ²⁾), есть такія, которыя касаются, напр., домашнихъ животныхъ, принадлежащихъ врагу: если, говорится, принадлежащее врагу животное изнемогаетъ подъ тяжестью, то должно его облегчить; если оно падаетъ отъ изнеможенія,—помочь ему встать; если заблудилось, то, оставивъ вражду, слѣдуетъ отвести его къ хозяину. Толкуя эти постановленія въ общемъ согласно съ Филономъ, Климентъ говоритъ, что въ нихъ законъ запрещаетъ радоваться чужому несчастью, помнить обиды и питать вражду, и ведетъ къ высшему—къ молитвѣ за враговъ, къ миру и единому сердцу съ ближними ³⁾). Если законъ такъ повелѣваетъ относиться къ врагамъ, то тѣмъ болѣе этого требуетъ возвѣщенное послѣ подзаконнаго воспитанія Евангеліе ⁴⁾). Поэтому гностикъ и молится за враговъ, т. е. благотворитъ духовно, и благотворитъ матеріально, раздавая милостыню; онъ даетъ ее и преслѣдующему его и ненавидящему, если только они нуждаются, не смущаясь тѣмъ, что другіе говорятъ, будто бы онъ дѣлаетъ это изъ-за страха. Но если гностикъ по отношенію къ врагамъ является столь незлобивымъ и нестяжательнымъ, то не тѣмъ

¹⁾ Ibid. IV. 13. 605.

²⁾ Str. II. 18. 472—478.

³⁾ Ibid. 476.

⁴⁾ Ibid. VII. 14. 885.

болѣ ли онъ способенъ любить своихъ присныхъ и имъ благотворить ¹⁾?

Здѣсь не лишне отмѣтить, что, говоря о благотворительности, Климентъ не упускаетъ случая объединить любовь къ ближнимъ—добродѣтель христіанскую со справедливостью—добродѣтелью философскою—въ ея пониманіи у Аристотеля и стоиковъ. Вмѣстѣ съ этими философами, Климентъ отличительную особенность справедливости полагаетъ въ томъ, что она раздѣляетъ каждому по достоинству и чрезъ то выводитъ человѣка изъ рамокъ личной жизни и вводитъ въ общеніе съ другими людьми. Господь, говоритъ Климентъ, создалъ насъ отъ природы общительными и справедливыми, такъ что справедливое заложено въ самый строй нашего существа ²⁾. Справедливость не судить пристрастно, но раздѣляетъ каждому по достоинству ³⁾. Она можетъ быть названа раздѣлительнымъ состояніемъ, которое высшаго проявленія достигаетъ тогда, когда соединяется съ знаніемъ и умѣньемъ различать большее или меньшее достоинство тѣхъ, кому что либо раздается и раздѣляется ⁴⁾. Такое общеніе въ благахъ, полученныхъ отъ Бога, можетъ основываться и на природномъ благорасположеніи и на повиновеніи заповѣдямъ ⁵⁾. Последнее, очевидно, отличаетъ христіанскую справедливость, сближая ее съ любовью къ ближнимъ. Описывая гностическую справедливость, Климентъ прямо и дѣлаетъ такое сближеніе. Онъ говоритъ, что первое дѣло—гностической справедливости—любить проводить время со своими ближними, быть въ общеніи съ ними и на землѣ и на небѣ; поэтому гностикъ раздаетъ все, чѣмъ владѣетъ, поэтому онъ человѣколюбивъ, поэтому ненавидитъ пороки и отвращается отъ всякаго злодѣянія ⁶⁾. Такимъ образомъ, въ чертахъ философской справедливости описывается христіанская любовь къ ближнимъ, которую Климентъ въ другомъ случаѣ опредѣляетъ какъ единомысліе во всемъ, что касается слова, жизни, нрава, какъ общеніе въ жизни, какъ соединенное съ правымъ разумомъ напряженіе дружбы и нѣжной привязанности въ

¹⁾ Str. VII. 12. 873.

²⁾ Ibid. I. 6. 336.

³⁾ Paed. I. 8. 136.

⁴⁾ Str. VII. 12. 873.

⁵⁾ Ibid. II. 16. 467.

⁶⁾ Ibid. VII. 3. 839.

сношеніи съ друзьями ¹⁾. Но не на однихъ друзей изливается справедливая любовь гностика. Онъ справедливъ и благъ и къ праведнымъ и неправеднымъ, по подобію Всесовершеннаго Отца (Мѣ. V, 48) ²⁾; онъ всегда оказываетъ себя равнымъ и одинаковымъ по отношенію ко всякому ближнему, кто бы онъ ни былъ: будетъ ли то сосѣдъ, или же непріятель по законамъ государственнымъ. Онъ никогда не презираетъ брата, по закону божественному имѣющаго съ нимъ одного отца и мать, онъ облегчаетъ утѣшеніемъ и ободреніемъ угнетеннаго, помогаетъ ему въ житейскихъ нуждахъ, онъ подаетъ всѣмъ нуждающимся, но не одинаково, а справедливо и по достоинству... Онъ точно знаетъ, кому сколько, когда и какъ дать ³⁾.

Но, конечно, полнаго тождества между понятіями философской справедливости и христіанской любви къ ближнимъ нѣтъ. Тамъ мы имѣемъ дѣло болѣе съ юридическою, чѣмъ нравственною областью; здѣсь — всецѣло съ нравственною. То, что требуется строгимъ осуществленіемъ философской справедливости, можетъ быть противнымъ духу любви и наоборотъ. Такъ, строгая соразмѣрность при раздаяніи благъ съ достоинствомъ каждаго ведетъ собственно къ тому, что не только нельзя умалять правъ другихъ лицъ ради себя самого, но и своихъ собственныхъ ради другихъ, т. е. послѣдовательное проведеніе принципа философской справедливости не мирится съ самоотверженіемъ, составляющимъ совершенство христіанской любви. Вотъ почему мысли Климента приходятъ въ колебаніе и несогласіе, когда онъ говоритъ о любви къ ближнимъ какъ справедливости или справедливость думаетъ представить въ краскахъ любви христіанской. Съ одной стороны, какъ мы видѣли, гностикъ, если онъ въ совершенствѣ хочетъ осуществить идею справедливости, долженъ сообразоваться съ достоинствомъ каждаго и для того обладать точнымъ знаніемъ того, кому, сколько, когда и какъ удѣлить изъ своихъ благъ. Съ другой же, предписывается, при раздаяніи милостыни, не судить о томъ, достоинъ ли кто ея или недостоинъ. Лучше недостойнымъ благотворить ради достойныхъ, нежели, опасаясь оказать помощь первымъ, не дѣ-

¹⁾ Ibid. II. 9. 450.

²⁾ Ibid. IV. 22. 626.

³⁾ Ibid. VII. 12. 873.

латъ добра и послѣднимъ. «Не судите, да не судимы будете» (Мф. VII, 1): «открой сердце свое всѣмъ записаннымъ въ число учениковъ Господа, не взирая ни на внѣшній его видъ, ни на возрастъ, ни на бeзсиліе или безобразіе» ¹⁾. Не соотвѣтствуетъ понятію философской справедливости и христіанское благотвореніе врагамъ.

Такое несовпаденіе сближаемыхъ Климентомъ понятій естественно убъясняется тѣмъ, что они имѣютъ не одинаковую основу. Справедливость вытекаетъ изъ знанія, кому, сколько, когда и какъ удѣлять сообразно достоинству, любовь же исключительно изъ благожелательства къ ближнему — *εὐνοια*. Понятіе «*εὐνοια*» было извѣстно и Аристотелю и стоикамъ. У послѣднихъ оно означало одинъ изъ видовъ желанія, согласнаго съ разумомъ ²⁾; у перваго — желаніе блага другому ради него самаго ³⁾. Климентъ вполне усвоиваетъ аристотелевское опредѣленіе «*εὐνοια*»: оно есть желаніе блага другому ради него самого. И понимаемое такъ, благожелательство приписывается Богу, потому что, Самъ ни въ чемъ не нуждаясь, Онъ благожелателенъ къ намъ только для того, чтобы облагодѣтельствовать насъ ⁴⁾. Но оно же должно лежать и въ основѣ человѣческихъ взаимоотношеній. Христіанская любовь къ ближнимъ и вытекающая изъ нея благотворительность основывается именно на такомъ безкорыстномъ благожелательствѣ къ нимъ. По совершенству любви гностикъ ограничиваетъ себя, чтобы не отказать брату, находящемуся въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, зная, что самъ онъ гораздо легче брата можетъ перенести нужду. Скорбь его онъ считаетъ за свою собственную скорбь и если, самъ имѣя недостатокъ, онъ чрезъ раздаваніе и благотвореніе упадетъ въ затруднительное положеніе, то не будетъ огорчаться этимъ, но еще болѣе будетъ прилежать благотворенію ⁵⁾. Прекрасно слово апостола: «доброхотнаго дателя любить Богъ (2 Кор. IX, 7)», дающаго съ радостью, безъ скупости, безъ сожалѣнія: это — добрая благотворительность. Еще лучше слово Спасителя: «всякому просящему у тебя дай (Лк. VI, 30)»: это — присущая Богу щедрость. Но вотъ дѣло, превосходя-

¹⁾ Quis d. 33. 954.

²⁾ Diog. L. VII. 115.

³⁾ Eth. N. VIII. 2, (3).

⁴⁾ Paed. I. 11. 56. Str. II. 6. 444.

⁵⁾ Str. VII. 12. 38.

щее всякое совершенство: не ожидать, пока попросятъ, но самому искать достойнаго получить благодѣяніе ¹⁾). Если гностикъ самъ не въ состояніи оказать матеріальную помощь нуждающимся, то онъ помогаетъ имъ молитвою; но при этомъ, гностикъ будетъ молиться не о томъ, чтобы Богъ далъ имъ изобиліе денегъ, а о томъ, чтобы имъ была оказана помощь въ нуждѣ. Такимъ образомъ, подавая молитву, онъ чрезъ молитву является тайнымъ и скромнымъ благодѣтелемъ. Въдѣ часто бѣдность, болѣзнь и тому подобныя искушенія ниспосылаются для вразумленія—для исправленія прошедшаго и для предусмотрительности о будущемъ. Гностикъ же, потому именно, что онъ владѣеть гносисомъ, трудится на поприщѣ благотворительности, являясь органомъ благодѣтели Божіей ²⁾).

Благотворительность гностика обнаруживается не въ матеріальныхъ только, но и въ духовныхъ благодѣяніяхъ. Благочестивый гностикъ прежде всего заботится о томъ, чтобы самому сдѣлаться лучшимъ, а потомъ, чтобы содѣйствовать въ томъ и ближнимъ ³⁾). Спасеніе ихъ онъ считаетъ своимъ собственнымъ спасеніемъ ⁴⁾ и потому, во-первыхъ, проситъ Бога за нихъ, а во-вторыхъ, самъ прилагаетъ усилія къ тому, чтобы содѣйствовать ихъ спасенію. Господь научаетъ насъ словами: «проси у Меня и дамъ тебѣ народы въ достояніе (Пс. II, 8)», что самая царственная просьба—это безкорыстно просить спасенія людей ⁵⁾). Поэтому и гностикъ молится объ облегченіи грѣховъ ближнихъ и объ обращеніи ихъ на путь познанія, молится о томъ, чтобы онъ признанъ былъ участникомъ въ прегрѣшеніяхъ своихъ братьевъ, имѣя въ виду обращеніе ихъ и раскаяніе; молится и о томъ, чтобы братья содѣлались причастными тѣмъ благамъ, которыми онъ владѣеть ⁶⁾). Къ существу гносиса, затѣмъ, относится и образованіе добрыхъ мужей ⁷⁾, путемъ примѣра, воспитанія и преподаванія ⁸⁾). Лучшею жертвою предъ Богомъ со стороны гностика является раздаяніе не только имущества, но и ученій ⁹⁾). Эта обязанность есте-

¹⁾ Quis d. 30, 953.

²⁾ Str. VII. 15. 881.

³⁾ Ibid. VII. 3. 837.

⁴⁾ Ibid. 9. 863.

⁵⁾ Str. IV. 22. 626.

⁶⁾ Ibid. VII. 12. 880.

⁷⁾ Ibid. II. 10 453.

⁸⁾ Ibid. VI. 17. 824.

⁹⁾ Ibid. VII. 7 861.

ственно присуща христіанскому мудрецу, ибо мудрость по природѣ «общительна и челоуѣколюбива» ¹⁾; отсюда гностикъ, заботясь о благѣ другихъ, воспитываетъ ихъ и примѣромъ, и словомъ, устнымъ и письменнымъ ²⁾. Поэтому Климентъ и считаетъ своего гностика особенно пригоднымъ для церковнаго учительства и предстоятельства и достойнымъ этого ³⁾. Въ благотворительной любви къ ближнимъ, какъ и во всѣхъ добродѣтеляхъ, обнаруживается подобіе Богу: «по истинѣ образъ Божій—челоуѣкъ благодѣтельствующій» ⁴⁾.

Любовь находится во взаимодѣйствіи съ прочими сторонами гностическаго совершенства. Знаніе, какъ уже было разъяснено, приводитъ къ любви. Но съ другой стороны и любовь къ Богу и ближнимъ—необходимое условіе знанія. Богъ есть любовь и потому познается тѣмъ, кто любить; и намъ должно быть въ общеніи съ Нимъ чрезъ любовь божественную, дабы подобное мы созерцали подобнымъ ⁵⁾. Точно также любовь находится въ взаимодѣйствіи и съ апатіей. Если гностикъ является цѣломудреннымъ и безстрастнымъ, также недоступнымъ печалямъ и похотямъ какъ алмазъ огню, то причина этого святѣйшая и господствующая надъ всякимъ знаніемъ любовь. Ибо она дѣлаетъ гностика другомъ и сыномъ Божиимъ, уподобляетъ его Богу по безстрастію ⁶⁾. Но, конечно, съ другой стороны, и отрѣшеніе отъ страстнаго, чувственнаго и грѣховнаго способствуетъ устремленію любящаго сердца къ міру горнему.

III.

Знаніе, апатія и любовь къ Богу составляютъ главные элементы гностическаго совершенства. Образуемый ими гносисъ является собственно христіанскою добродѣтелью въ ея идеальномъ обнаруженіи и въ ея аналогіи съ добродѣтелью мудреца философіи. Климентъ пользуется философскою терминологіею при опредѣленіи добродѣтели. Стоики опредѣляли добродѣтель какъ *διάθεσις*, т. е. какъ постоянное, неизмѣнное единое, всегда само себѣ равное расположеніе духа, которое

¹⁾ Str. I. 1. 317.

²⁾ Ibid. IV. 18. 613.

³⁾ Ibid. IV. 13 793; VII. 9. 862.

⁴⁾ Ibid. II. 19. 483.

⁵⁾ Str V. 1. 652.

⁶⁾ Ibid. VII. 11. 872.

неспособно ни къ увеличенію, ни къ уменьшенію, которое, разъ оно приобрѣтено и установлено, уже не можетъ быть не только утрачено, но и поколеблено. Понимаемое такъ *διάθεσις* отличалось у нихъ отъ *ἔξις*, подъ которымъ понималось состояніе, подлежащее перемѣнѣ, увеличенію и уменьшенію, напряженію и ослабленію. Аристотель, наоборотъ, подъ *ἔξις* разумѣлъ состояніе болѣе продолжительное и устойчивое, а подъ *διάθεσις* — состояніе измѣнчивое, подвижное. Климентъ безразлично пользуется обоими терминами и аристотелевскимъ и стоическимъ для опредѣленія добродѣтели, прилагая тотъ и другой къ гносису и соединяя съ ними одинъ и тотъ же смыслъ. Называть ли гносисъ, *ἔξις* или *διάθεσις*, — подъ нимъ должно понимать одно: неизмѣнное, постоянное, никогда не утрачиваемое добродѣтельное настроеніе ¹⁾. Точно также и къ отдѣльнымъ добродѣтелямъ онъ прилагаетъ названіе то *ἔξις*, то *διάθεσις* ²⁾. Итакъ, въ этомъ случаѣ мы видимъ у Климента полное согласіе съ философіею и въ употребленіи термина и въ пониманіи его смысла. Конечно, иначе обстоитъ дѣло, если имѣть въ виду, какъ понимаетъ Климентъ элементы добродѣтельнаго настроенія: знаніе, апатія и любовь къ благу носятъ у него другой смыслъ, чѣмъ у философовъ, и стоическое опредѣленіе добродѣтели, какъ настроенія души, которое подъ воздѣйствіемъ разума является согласнымъ само съ собою втеченіе всей жизни, хотя и усвоивается Климентомъ ³⁾, но понимается въ смыслѣ настроенія, согласнаго втеченіе всей жизни съ Евангеліемъ ⁴⁾? Точно также не вполне согласенъ съ философами Климентъ въ указаніи и пути, которымъ создается изъ этихъ элементовъ добродѣтельное настроеніе.

Такимъ путемъ, какъ и у философовъ, прежде всего, является упражненіе. Добродѣтель не есть теоретическое знаніе блага и только въ душѣ живущая любовь къ нему. За вѣдѣніемъ слѣдуютъ дѣла какъ тѣнь за тѣломъ ⁵⁾. Истинно добродѣтельный не выражаетъ только желанія участвовать въ нравственномъ совершенствѣ, но прямо кладетъ начало послѣднему, ибо надлежитъ не намѣреніе только имѣть, но быть въ дѣйствительности царственнымъ, свѣтлымъ и гностикомъ, не по имени

¹⁾ Ibid. VI, 22. 627.

²⁾ Paed. III. 11. 396. Str. II. 870.

³⁾ Paed. I, 13. 159.

⁴⁾ Str. VII. 11. 870.

⁵⁾ Str. VII. 13. 882.

только касаться вещей, но и на дѣлѣ¹⁾). Гностикъ не удивляется только заповѣдямъ, но уже чрезъ самый гносисъ дѣлается участникомъ Божіей воли, приснымъ Господу и Его заповѣдямъ²⁾). Дѣянія бываютъ двухъ родовъ: одни въ мысли, другія—въ поведеніи³⁾). Гносисъ обнаруживается и въ тѣхъ и въ другихъ. Съ одной стороны его дѣйствіе — отрицательное — очищеніе души отъ страстей, а съ другой — положительное — жизнь, исполненная добрыхъ дѣлъ, такъ что душа гностика можетъ съ дерзновеніемъ сказать Богу: я живу такъ, какъ Ты хочешь⁴⁾). По этому гносисъ или знаніе ведетъ за собою упражненіе, а упражненіе создаетъ расположеніе или состояніе⁵⁾). Добродѣтельный человекъ не довольствуется похвалами прекрасному, но самъ усиленно старается быть прекраснымъ; изъ добраго и вѣрнаго раба онъ чрезъ любовь дѣлается другомъ Бога, потому что достигаетъ состоянія нравственнаго совершенства, — и это состояніе онъ дѣйствительно приобрѣлъ чрезъ истинное ученіе и путемъ долгаго упражненія⁶⁾). Никому — ни мужу, ни женѣ нельзя сдѣлаться славнымъ въ чемъ-либо вообще и въ частности въ добродѣтели безъ ученія, безъ старанія, безъ упражненія⁷⁾). Гносисъ не отъ рожденія присущъ людямъ, но приобретается постепенно: сначала наученіе ему нуждается во вниманіи, питаніи и ростѣ, а потомъ чрезъ непрестанное упражненіе онъ переходитъ въ состояніе, а усовершенствованный въ состояніи мистическомъ онъ становится въ силу любви непоколебимымъ⁸⁾).

Но какъ знаніе, лежащее въ основѣ добродѣтели, есть по Клименту знаніе, почерпнутое изъ откровенія Логоса, а не приобретенное только естественными усилями разума, какъ любовь у него не есть только на основаніи разсудочной оцѣнки возникшая расположенность къ отвлеченному благу, но любовь къ Всеблагому Богу, такъ и упражненія воли въ созданіи добродѣтельнаго настроенія имѣютъ ту особенность у Климента, въ сравненіи съ греческими философами, что получаютъ содѣйствіе и помощь отъ благодати Божіей. Невозможно дости-

¹⁾ Ibid. 17. 819.

²⁾ Ibid. 11. 879.

³⁾ Ibid. VI. 16. 809.

⁴⁾ Str. VII. 11. 874.

⁵⁾ Ibid. VI. 9. 777.

⁶⁾ Ibid. VII 11. 868.

⁷⁾ Ibid. IV. 19. 620.

⁸⁾ Str. VI. 9. 779.

гнуть нравственнаго совершенства безъ произволенія; однако и не все лежитъ, въ нашемъ намѣреніи, на примѣръ, результатъ, ибо мы благодатию спасаемся (Еф. II, 5); — хотя и не безъ дѣлъ: отъ природы способные къ благу, мы должны употреблять стараніе къ его приобрѣтенію. Но чтобы имѣть и намѣреніе здравое, неуклонно направленное къ уловленію прекраснаго, мы нуждаемся въ благодати, въ правомъ ученіи, въ соотвѣтствующей благонастроенности и привлеченіи Отцомъ къ Нему (Іоан. VI; 44) ¹⁾. Самъ по себѣ трудясь и упражняясь въ приобрѣтеніи апатіи, человѣкъ ничего не совершить; но если онъ сильно будетъ желать и стараться, то съ приложеніемъ къ нему Божіей силы одержитъ верхъ. Ибо Богъ вдохновляетъ души, пылающія желаніемъ; но съ ослабленіемъ желанія уменьшается и содѣйствіе даннаго имъ Духа. Спасать нежелающихъ — дѣло употребляющаго насиліе, а спасать — добровольно избравшихъ — дѣло дарующаго по благодати ²⁾. Если самовластное въ насъ, достигнувъ познанія блага, скачетъ и прыгаетъ черезъ препятствія, какъ говорятъ гимнасты, то однако душа встаетъ, воспаряетъ и уносится вверхъ не безъ особенной благодати. И Платонъ говоритъ въ Менонѣ, что добродѣтель даруется Богомъ ³⁾. Добродѣтель отъ Бога дарована христіанамъ и потому неотъемлема ⁴⁾, почему одна изъ добродѣтелей — воздержаніе прямо называется силою и благодатию Божіею ⁵⁾. Отсюда участіе новаго элемента въ созданіи добродѣтельнаго настроенія — молитвы, элемента у Климента имѣющаго существенное значеніе.

Знаніе блага возбуждаетъ желаніе его и стремленіе къ нему. Но къ чему есть стремленіе у человѣка, о томъ онъ проситъ и молится. Такъ и гностикъ проситъ и молится о приобрѣтеніи истинныхъ благъ т. е. благъ, касающихся души.

Гностикъ знаетъ истинныя блага, знаетъ о чемъ, когда и какъ просить Бога. Хотя Богъ единъ, но блага отъ Ёго посылаемыя раздѣляются: объ однихъ мы молимся, чтобы они были даны намъ, о другихъ, — чтобы они постоянно при насъ оставались ⁶⁾. Обращающійся изъ язычниковъ молится

¹⁾ Ibid. V, 1. 647.

²⁾ Quis d. 21. 647, ср. Str. VI, 7. 585; VI, 7. 866.

³⁾ Ibid. V, 13. 696.

⁴⁾ Ibid. IV, 20. 621.

⁵⁾ Ibid. III. 1. 511; ср. IV, 21. 623.

⁶⁾ Str. VII. 7. 853.

о вѣрѣ, переходящій въ гносисъ просить совершенства любви, а гностикъ, достигшій высшей ступени совершенства, молится о томъ, чтобы умножалось и оставалось при немъ созерцаніе, какъ обыкновенный человѣкъ молится о томъ, чтобы быть всегда здоровымъ ¹⁾. Одинъ только гностикъ истинный читатель Бога, которому одному все, что онъ помыслить просить у Бога, дается, такъ какъ онъ просить согласно съ волей Самого Бога ²⁾. Гностикъ молится всякій часъ мысленно; прежде всего, онъ просить отпущенія грѣховъ, затѣмъ о томъ, чтобы быть въ состояніи благодѣтельствовать и разумѣть всякое созданіе и домостроительство Господне, дабы сдѣлавшись чистымъ сердцемъ чрезъ познаніе, данное Сыномъ Божиимъ, удостоиться блаженнаго созерцанія лицомъ къ лицу ³⁾.

Такимъ образомъ, молитва имѣетъ значеніе для добродѣтели христіанина потому, что ею испрашивается благодатная помощь при созданіи добродѣтельнаго настроенія. Но она имѣетъ еще и другое значеніе. Не только ради результатовъ молитвенныхъ прошеній, но и сама по себѣ молитва цѣнна какъ поводъ къ общенію мыслью и сердцемъ съ Богомъ. Молитва есть бесѣда съ Богомъ. И если мы шепчемъ только, даже если совсѣмъ не открываемъ устъ, мы молча говоримъ, мы восклицаемъ внутри души. И такую внутреннюю бесѣду Богъ непрестанно слышитъ ⁴⁾. Никогда не слѣдуетъ упускать этого повода къ сближенію съ Богомъ. ⁵⁾. Ибо если присутствіе какого либо добраго мужа дѣлаетъ лучшимъ того, кто бесѣдуетъ съ нимъ,—вслѣдствіе уваженія къ нему и почтенія, то тѣмъ болѣе постоянное мысленное соприсутствіе съ Богомъ дѣлаетъ христіанина лучшимъ во всемъ, и въ словахъ и дѣлахъ и въ настроеніи ⁶⁾. Поэтому-то гностикъ молится въ теченіе всей жизни, спѣша чрезъ молитву войти въ единеніе съ Богомъ ⁷⁾. Всякій часъ онъ мысленно молится, любовью объединяясь съ Богомъ ⁸⁾; вся жизнь у него молитва и бесѣда съ Богомъ ⁹⁾.

¹⁾ Str. VII. 858, 859.

²⁾ Ibid. VII, 6. 855, 12. 875, 876.

³⁾ Ibid. VI, 12. 791.

⁴⁾ Str. VII. 7. 554.

⁵⁾ Ibid. 855.

⁶⁾ Ibid. 851.

⁷⁾ Ibid. 854.

⁸⁾ Ibid. 2. 791.

⁹⁾ Ibid. 12. 875 и д. 880.

Добродѣтельное настроеніе создается изъ всѣхъ указанныхъ элементовъ: знанія любви къ благу или Богу, упражненія, молитвы и благодатной помощи — и въ ихъ непрерывномъ взаимодействіи и взаимной обусловленности. Знаніе стоитъ во главѣ ихъ, — ибо только гностикъ, научившись отъ Господа, можетъ свято исполнять нравственныя обязанности. Только онъ можетъ знать, какъ велика къ намъ любовь Бога и черезъ то отвѣтить Богу взаимною любовью. Только онъ можетъ, по этому, оцѣнить высоту и красоту нравственнаго блага и чрезъ то направить энергію воли на его осуществленіе. Добродѣланіе совершеннаго не зиждется на постороннихъ мотивахъ, — но такъ какъ онъ разсудилъ и убѣдился, что дѣлать добро — прекрасно, то энергія его воли, воспламеняемая этимъ убѣжденіемъ, во всѣхъ его дѣлахъ обнаруживаетъ себя доброю; не такъ, чтобы въ однихъ она проявилась какъ добродѣтельно направленная, а въ другихъ не проявлялась таковою, но утвердившись въ состояніи благотворительности, — она, отвергнувъ посторонніе мотивы и расчетъ, всю жизнь христіанина устрояетъ по образу и подобию Божію, согласно словамъ Спасителя: «будьте совершенны, Какъ Отецъ вашъ совершенъ» ¹⁾).

Итакъ, добродѣтель, по Клименту, есть постоянное расположеніе души, создаваемое человѣкомъ на основѣ знанія блага (или Бога), любви къ нему, непрестанныхъ усилій къ осуществленію его на дѣлѣ и моленій о помощи свыше и при содѣйствіи божественной благодати, идущей на встрѣчу нравственному подвигу человѣка.

Такое настроеніе и составляетъ сущность добродѣтели и такъ какъ оно одно, то и добродѣтель въ собственномъ смыслѣ можетъ быть только одна: различныя добродѣтели составляютъ ея различныя только обнаруженія. Это положеніе, проводимое и греческими философами, переноситъ въ свою этику и Климентъ. Добродѣтель по существу одна, но по своимъ обнаруженіямъ и примѣненію называется различно: разсудительностью, цѣломудріемъ, мужествомъ и справедливостью ²⁾. Въ силу своего единства по источнику, изъ котораго онѣ происходятъ, эти добродѣтели имѣютъ столь тѣсную связь другъ съ другомъ, что тотъ, кто гностически имѣетъ одну добродѣтель, тотъ имѣетъ всѣ, такъ какъ онѣ слѣдуютъ другъ за дру-

¹⁾ Ibid. IV. 22. 626.

²⁾ Str. 1. 20. 376.

гомъ ¹⁾). Изъ этихъ добродѣтелей мы остановили вниманіе на одной — справедливости, которая у Климента объединяется съ любовью къ ближнимъ. Но каждая отдѣльная добродѣтель — причина частнаго, ей только свойственнаго, совершенства; а блаженная жизнь получается чрезъ соединеніе добродѣтелей: истинно блаженнымъ слѣдуетъ назвать того, у кого душа добродѣтельно украшена ²⁾). Но украшеннымъ добродѣтелями человѣкомъ является истинный читатель Бога, и θεοσέβεια, потому, служить основой всей добродѣтельной жизни ³⁾ и совмѣщаетъ въ себѣ всѣ добродѣтели ⁴⁾).

Такова добродѣтель въ ея высшемъ обнаруженіи. Но, какъ и греческіе философы, Климентъ говоритъ о низшей ступени добродѣтели. Если совершенная добродѣтель носить у него названіе гносиса и совершенный христіанинъ — гностика, то низшую ступень добродѣтельной жизни онъ приписываетъ вѣрующему ⁵⁾). Добродѣтельный поступокъ перваго у него называется стоическимъ терминомъ — κατόρθωμα, поступокъ втораго — καθήκον или μέσση πράξις ⁶⁾). Общее различіе κατόρθωμα и καθήκον въ томъ, что первое — дѣяніе, предполагающее за собою неизмѣнное добродѣтельное настроеніе, какъ оно нами представлено; второе — поступокъ добродѣтельный по вѣншности, но не предполагающій такого настроенія: не сопровождаемый ни полнымъ знаніемъ блага, ни безкорыстною любовью къ нему, ни неуклоннымъ стремленіемъ его осуществлять, и совершаемый по мотивамъ страха и надежды. Переходъ отъ начальной ступени добродѣтели къ высшей дѣлается постепенно: Климентъ даже отмѣчаетъ и моменты этого постепеннаго восхожденія ⁷⁾).

IV.

Вѣрный той же всюду проводимой имъ мысли о постепенности нравственнаго развитія человѣка, христіанскій философъ и состояніе гностическаго совершенства не представляетъ чѣмъ

¹⁾ Ibid. II. 18. 470. VIII. 9. 932.

²⁾ Ibid. I. 20. 376.

³⁾ Coh. XI, 87.

⁴⁾ Ibid. XII, 94.

⁵⁾ Str. VI, 14. 796.

⁶⁾ Ibid. IV. 22. 625 и д.

⁷⁾ Ibid. VI. 12. 788; IV, 7. 587; I, 27. 423; V, 3. 654.

то разъ навсегда психологически законченнымъ, вылившимся въ неизмѣнныя формы. Въ гносисѣ тоже разныя ступени, смотря потому, въ какой мѣрѣ совершенства обнаруживается каждый изъ составляющихъ его элементовъ; и высшая его ступень, его завершеніе будетъ достигнуто гностикомъ тогда, когда добродѣтель во всѣхъ своихъ трехъ элементахъ *φωσῶται* т. е. дѣлается его неотъемлемымъ природнымъ свойствомъ, также какъ, напр., тяжесть — свойство камня ¹⁾. Путь къ этому — ученіе, которое преобразовываетъ природу человѣка настолько, что иногда нельзя бываетъ различить, представляетъ извѣстное свойство въ человѣкѣ даръ природы или плодъ ученія ²⁾, — размышленіе, упражненіе и молитва ³⁾, а самое состояніе, въ которомъ находить свое обнаруженіе эта вершина гностическаго совершенства, есть состояніе мистическаго созерцанія или, точнѣе, безстрастно-созерцательной любви. Отъ гносиса или мудрости, говоритъ Климентъ, надлежитъ чрезъ упражненіе возвыситься до состоянію вѣчнаго и неизмѣннаго созерцанія ⁴⁾. Объектомъ созерцанія служитъ Богъ Отецъ, тогда какъ Богъ Сынъ — Объектъ гносиса, какъ знанія научнаго ⁵⁾. Полнаго своего осуществленія, это созерцаніе достигаетъ въ будущей жизни: удостоиваются его члены небесной церкви, «въ которую собраны философы Божіи — истинные израильтяне, чистые сердцемъ» ⁶⁾. Божественное созерцаніе, котораго они вкушаютъ, не есть только видѣніе «въ зеркалахъ или чрезъ зеркала», но созерцаніе, насколько возможно, яснѣйшее и совершенно чистое ⁷⁾, — то, которое называется видѣніемъ «лицемъ къ лицу» (I Кор. XIII, 12 ⁸⁾). Но если въ жизни загробной гностикъ можетъ удостоиться такого созерцанія, то «никто, говоритъ Климентъ, никогда не можетъ ясно постигать Бога во время жизни земной» ⁹⁾. Почему же? Потому что созерцаніе «лицемъ къ лицу» есть актъ совершенно чистой мысли, непричастной ничему тѣлесному ¹⁰⁾. Естественно, что вполне оно можетъ

¹⁾ Str. VII. 7. 859.

²⁾ Ibid. IV. 23. 631.

³⁾ Ibid. VII. 7. 859

⁴⁾ Ibid. VI. 7. 771.

⁵⁾ Quis d. 37. 956 ср. Str. V. 12. 695. IV. 25. 635.

⁶⁾ St. VI, 14. 793—794 ср. V, 14. 732.

⁷⁾ Ibid. VII, 3. 835.

⁸⁾ Paed. I, 6. 120. Str. V, 11. 690.

⁹⁾ Ibid. V, 1. 647 ср. 10. 685.

¹⁰⁾ Str. V 11. 690.

осуществиться лишь «по отложеніи плоти» ¹⁾ на послѣдней ступени совершенства ²⁾. Однако, по Клименту, отчасти такое созерцаніе бываетъ доступно гностику и въ теченіи земной жизни. Привязанные къ земному тѣлу, чувственно постигаемое мы познаемъ при посредствѣ тѣла, но умственно постигаемое — самую силою разумною ³⁾. И хотя чувственное познаніе (общее не только разумнымъ, но равно и неразумнымъ существамъ) также обычно называется гносисомъ, но это названіе весьма неточное: гносисъ въ собственномъ смыслѣ есть дѣло не чувствъ, а только мысли и разума, когда въ познаніи человѣка проявляется во всей чистотѣ энергія только его духовной природы ⁴⁾. И поскольку проявляется такая энергія, постольку человѣкъ обладаетъ гносисомъ въ строгомъ смыслѣ и постольку, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ приближается къ состоянію будущаго загробнаго созерцанія. Вотъ почему, хотя созерцаніе лицомъ къ лицу относится къ будущей жизни, когда оно можетъ быть дѣйствительно только чисто духовнымъ актомъ, однако, полагаетъ Климентъ, можно и въ этой жизни какъ бы въ пророческомъ предвѣдѣніи постигать Бога при помощи діалектическаго процесса чистой мысли, совершенно отринувшей отъ себя содѣйствіе чувствъ ⁵⁾.

Богосозерцаніе не есть актъ одной только мысли: оно обнимаетъ все существо человѣка, такъ какъ въ немъ находятъ свое совершенное обнаруженіе всѣ элементы добродѣтельнаго настроенія — и знаніе, и апатія и любовь.

Прежде всего, мысль гностика, всегда вращаясь въ мірѣ умопостигаемомъ, не только пріобрѣтаетъ остроту и проникаемость въ дѣлѣ умозрѣнія ⁶⁾, но и дѣлается непрерывнымъ состояніемъ мыслящаго; даже болѣе того, — не одною только изъ сторонъ его духовной жизнедѣятельности, но стороною преобладающею, сосредоточивающею въ себѣ всю психическую жизнь, всю ее проникающую свѣтомъ созерцанія, такъ что самъ человѣкъ представляетъ собою не иное что, какъ созерцающее существо ⁷⁾. О немъ уже нельзя сказать, что онъ

¹⁾ Ibid. I. 19. 374.

²⁾ Ibid. V, 1. 647.

³⁾ Ibid. VI, 16. 809; V. 2. 653 и д.

⁴⁾ Ibid. VI, 1. 737.

⁵⁾ Ibid. V, 11. 690.

⁶⁾ Str. VII, 7. 857.

⁷⁾ Ibid. IV, 22. 626.

имѣть знаніе и гносись, но что онъ самъ — знаніе и гносись ¹⁾).

И такъ какъ въ этомъ случаѣ свойство ума, какъ ума, т. е. его неизмѣнность и тожество, предполагающее всецѣлую отрѣшенность отъ аффектовъ ²⁾, обнаруживается во всей полнотѣ, то естественно, если и апатія достигаетъ теперь своей вершины.

На этой ступени развитія надъ человѣкомъ не имѣть власти ничто, входящее въ сферу πάθος. Черезъ полное подавленіе страстей гностикъ достигаетъ совершенной чистоты ума, мыслей, дѣлъ, словъ и даже безгрѣшности въ сновидѣніяхъ ³⁾. Въ этомъ состояніи полной апатіи ему нѣтъ нужды въ добродѣтеляхъ, имѣющихъ цѣлью подавлять противоразумные аффекты: какая можетъ быть нужда въ мужествѣ тому, кто не бываетъ среди ужасовъ, всецѣло объединенный съ Богомъ? Нѣтъ ему нужды и въ цѣломудріи, — потому что имѣть дѣло съ добродѣтелью, обуздывающею вожделѣнія, свойственно не чистому, а подверженному страстямъ. Будетъ ли гностикъ гнѣваться, когда ничто не можетъ привести его въ гнѣвъ, такъ какъ, направляя всѣ мысли къ Богу и пребывая въ любви къ Нему, онъ не можетъ испытывать неприязни къ созданію Божію? Никому онъ не завидуетъ, такъ какъ ни въ чемъ имѣетъ недостатка для своей главной цѣли — уподобиться Богу въ нравственномъ совершенствѣ. Нѣтъ, не приличествуетъ другу Божію, котораго Господь предопредѣлилъ прежде сложенія міра сподобить высокаго сыноположенія, подпадать похотямъ или страхамъ и заниматься обуздываніемъ страстей ⁴⁾. Узами небесной любви онъ соединенъ съ Возлюбленнымъ: имѣя въ этомъ для себя изобиліе благъ, онъ чувствуетъ себя истинно блаженнымъ, и его единственная цѣль — уподобиться своему учителю Логосу въ полнѣйшемъ безстрастіи ⁵⁾. Безстрастіе гностика простирается не только на одни грѣховныя и противоразумныя влеченія: ему чужды и такія душевныя движенія, которыя по существу ничего въ себѣ грѣховнаго и противнаго разуму не заключаютъ, напр. радость, смѣлость, благодушіе и под. Спаситель нашъ

¹⁾ Ibid. 6. 581.

²⁾ Ibid. 22. 627.

³⁾ Str. IV. 22. 629.

⁴⁾ Ibid. VI. 9. 778.

⁵⁾ Str. VI. 7. 776.

былъ совершенно безстрастенъ. Никакое страстное движеніе—ни удовольствіе, ни скорбь не могли подкрасться къ Нему. Точно также и апостолы, научившись отъ Господа гностически побѣждать гнѣвъ, страхъ и вождельнія, по воскресеніи Спасителя не допускали въ себѣ даже такихъ страстныхъ движеній, которыя вообще считаются добрыми, каковы: смѣлость, ревность, радость, веселіе, — всегда и во всемъ оставаясь неизмѣнными вслѣдствіе того, что достигли неизмѣннаго, тожественнаго и непоколебимаго состоянія. Также и гностику нѣтъ нужды ни въ смѣлости, когда ничего въ мірѣ онъ не боится и ничто не въ состояніи отклонить его отъ любви къ Богу; нѣтъ нужды ему въ радости, потому что онъ не впадаетъ въ печаль ¹⁾. Словомъ, въ гностикъ мы должны видѣть человѣка «отложившаго, насколько возможно все человѣческое» ²⁾. Даже необходимыя тѣлесныя потребности, онъ удовлетворяетъ лишь постольку, поскольку это нужно для поддержанія жизни, чтобы «не дать причины разрушенію» ³⁾. Это совершенное отдѣленіе духа отъ тѣла и его страстей называется у Климента «разумной смертью», — которая есть и жертва, благопріемлемая Богомъ, и дѣйствительно истинное выраженіе богопочитанія ⁴⁾.

Но приписывая гностику такое полнѣйшее безстрастіе, Климентъ слышалъ естественное возраженіе: какъ гностикъ можетъ, будучи живымъ человѣкомъ, не чувствовать гнѣва и смѣлости, если ему приходится переносить разныя искушенія и испытанія въ жизни? Какъ отнять у него благодушіе: вѣдь онъ совсѣмъ подавленъ будетъ горестью и весьма плохо покончить съ жизнью? Наконецъ, всякая причастность къ прекрасному предполагаетъ предварительное желаніе прекраснаго и стремленіе къ нему. Какъ можетъ быть безстрастнымъ тотъ, кто испытываетъ такое стремленіе? Кто такъ возражаетъ, отвѣчаетъ Климентъ, тотъ не знаетъ, какъ кажется, божественной природы любви. Любовь не есть только стремленіе къ любимому предмету, но и общеніе съ нимъ въ любящемъ сердцѣ, поставляющее гностика выше мѣста и времени. Черезъ эту любовь онъ уже предвосхищаетъ тѣ блага,

1) Ibid. 775; 777.

2) Str. II. 20. 494.

3) Ibid. VI. 7. 777 и д.

4) Ibid. V. 9. 686.

которыя составляютъ предметъ его надежды, и обладаетъ ими. Поэтому онъ ни къ чему и не стремится, владѣя, насколько возможно, предметомъ своихъ стремленій; поэтому же тогъ, кто гностически любитъ, находится въ состояніи неизмѣннаго и безстрастнаго тожества ¹⁾).

Такимъ образомъ, внутреннюю основу гностической апатіи составляетъ любовь, которая на этой вершинѣ чело-вѣческаго совершенства тоже представляеть не какое либо временно испытываемое чувство, а свойство природы, постоянное и неотъемлемое, притомъ съ мистическимъ отгѣн-комъ. Это—постоянное внутреннее единеніе любящаго сердца съ объектомъ любви Богомъ. Оно ставитъ гностика въ столь близкое общеніе съ небеснымъ міромъ, что онъ уже здѣсь живо испытываетъ обладаніе будущими бла-гами, возвышаясь надъ границами мѣста и времени. Будущее—черезъ любовь для него уже настоящее, не предположеніе, —а достовѣрная истина. Онъ уже теперь предполучилъ обѣтованіе, потому что черезъ любовь онъ соприкасается съ будущимъ ²⁾). Черезъ любовь гностикъ вкушаетъ неисчерпаемую радость созерцанія. Конечно, онъ самъ находится еще въ границахъ времени и мѣста, но онъ переступаетъ эти границы тою гностическою любовью, за которой и черезъ кото-рую слѣдуетъ полученіе обѣтованнаго наслѣдія;—хотя и не полное:—послѣднее будетъ тогда, когда Мздовоздатель на дѣлѣ утвердитъ то, что черезъ любовь напередъ предвосхитилъ гно-стикъ ³⁾).

Представляя гностическій идеаль Климента къ тремъ глав-нымъ сторонамъ его совершенства: знанію, апатіи и любви, мы, въ видахъ раздѣльности представленія, излагали каждую сторону его въ возможно обособленномъ другъ отъ друга видѣ. Но это, какъ можно замѣтить, удалось намъ лишь отчасти, потому что всѣ онѣ не параллельно только идутъ въ своемъ развитіи, но взаимно переплетаясь и про-никая другъ друга. Вершина гностическаго совершенства представляеть у Климента такое единство и гармонію ума, чувства и воли, знанія, безстрастія и любви, что онъ не можетъ говорить обособленно о каждомъ изъ этихъ элементовъ,

¹⁾ Str. VI. 7. 776 и д.

²⁾ Str. VI. 9. 778.

³⁾ Str. VI. 9. 777.

но ставить ихъ въ такую тѣсную связь и зависимость другъ отъ друга, при которой нельзя опредѣлить, что стоитъ ранѣе, что потомъ, что причина и что слѣдствіе. Если добродѣланіе вѣрующаго обосновывается не на знаніи, а на послушаніи воли; если у перешедшаго на ступень гносиса оно первымъ своимъ условіемъ имѣетъ знаніе, то у достигшаго состоянія созерцанія всѣ силы его природы приходятъ въ такое единство и тѣсную зависимость другъ отъ друга, что и воля, и сужденіе и дѣло у него тождественны. Ибо если у него одни и тѣ же намѣренія, то и одни и тѣ же и ученія и сужденія, такъ что и слова, и жизнь и нравъ у таковаго согласны съ тѣмъ, что установлено Христомъ ¹⁾. И гносисъ, такимъ образомъ, есть «нѣкоторое совершенство человѣка какъ человѣка, достигаемое чрезъ знаніе божественныхъ вещей и согласное само съ собою и съ божественнымъ словомъ въ нравѣ, жизни и словѣ» ²⁾. Это идеальное состояніе дѣлается неизмѣннымъ настроеніемъ человѣка, или какъ уже сказано природнымъ его состояніемъ. Никогда, даже при самыхъ неблагоприятныхъ обстоятельствахъ, гностикъ не выйдетъ изъ своего состоянія; никогда невѣдѣніемъ не сдѣлается вѣдѣніе и добро не перемѣнится въ зло ³⁾. Такимъ путемъ гностику можно сдѣлаться богомъ: «я сказалъ: вы—боги и сыны Вышняго всѣ» (Пс. LXXXI, 6) ⁴⁾. И если одни изъ благъ избираются ради другихъ, а другія сами по себѣ, то гносисъ принадлежитъ къ послѣднимъ, ибо, обладая имъ, мы ни къ чему другому не устремляемся, какъ только къ тому, чтобы сохранить его—быть въ непрестанномъ созерцаніи ⁵⁾, такъ что если бы кто предложилъ гностику сдѣлать выборъ между гносисомъ и спасеніемъ (предположивъ, будто они раздѣлены между собою, хотя они всего болѣе соединены), то онъ, нисколько не задумываясь, избралъ бы гносисъ какъ нѣчто самоцѣльное ⁶⁾.

Отношеніе гностика, достигшаго ступени безстрастно-созерцательной любви, къ земной жизни и земнымъ благамъ—отношеніе возвышеннаго и безстрастнаго равнодушія. Невоз-

¹⁾ Str. II. 17. 469.

²⁾ Ibid. VII. 10. 864.

³⁾ Str. IV. 22. 627. VII. 10. 864.

⁴⁾ Ibid. IV. 23. 632.

⁵⁾ Ibid. VI. 12. 789.

⁶⁾ Ibid. IV. 22. 626.

можно, чтобы тотъ, кто достигнувъ совершенства чрезъ любовь, вѣчно вкушаетъ неисчерпаемую радость созерцанія и никогда не можетъ ею насытиться, пожелалъ еще услаждаться малымъ и земнымъ. Ибо какая еще можетъ быть благословная вина возвратиться къ земнымъ благамъ тому, кто вкусилъ свѣта непреступнаго? ¹⁾). Ничего не возжелаетъ онъ, имѣя Бога, покоющагося въ себѣ ²⁾). Онъ удовлетворяетъ только самыя необходимыя тѣлесныя потребности, причемъ это остается безвреднымъ его душѣ ³⁾). Если по жизненной необходимости гностикъ употребить немного времени для пищи, то считаетъ это кражей у своего долга, отъ котораго онъ отвлекается такимъ дѣломъ. Странникъ и пришелецъ онъ въ этой жизни во всемъ. Живя въ городѣ, онъ презираетъ то, что составляетъ предметъ удивленія для городскихъ жителей, и живетъ въ городѣ какъ въ пустынѣ, такъ что не мѣсто его принуждаетъ, но произволеніе дѣлаетъ праведнымъ ⁴⁾).

Нельзя однако заключить изъ этихъ словъ, будто бы Климентъ хочетъ видѣть въ своемъ гностикѣ удалившагося отъ міра аскета. Напротивъ, нравственное величіе гностика—въ томъ, что живя въ мірѣ, среди людей, принимая участіе въ ихъ жизни, онъ духомъ живетъ въ хорѣ святыхъ ⁵⁾, и потому ничто мірское его не волнуетъ и не служитъ препятствіемъ къ нравственному совершенству. Участіе гностика въ жизни ближнихъ столь велико и столь важное имѣетъ для нихъ значеніе, что онъ, говоритъ Климентъ, восполняетъ отсутствіе апостоловъ, живя право, принося пользу тѣмъ, кто способенъ ее принять, переставляя горы ближнихъ и сглаживая неровности душъ ихъ (Лк. III, 5) ⁶⁾. И хотя онъ пользуется этою жизнію какъ чуждою и лишь поскольку того требуетъ необходимость ⁷⁾: ѣсть ли онъ, пить ли, вступаетъ ли въ бракъ,—все это онъ дѣлаетъ по необходимости, а не ради этихъ вещей самихъ по себѣ,—однако, останавливаетъ Климентъ вниманіе читателя, я говорю, что онъ вступаетъ и въ законный бракъ, если повелитъ Логось. Будучи совершен-

¹⁾ Str. VI. 9. 777.

²⁾ Ibid. VII. 13. 882.

³⁾ Str. VII. 11. 868.

⁴⁾ Ibid. 12. 878.

⁵⁾ Str. VII. 12. 880.

⁶⁾ Ibid. 878.

⁷⁾ Ibid. 877.

нымъ, онъ за образецъ имѣеть апостоловъ,—и истинный мужъ выказываетъ себя не въ томъ, чтобы избирать уединенную жизнь, но тотъ побѣждаетъ мужей, кто среди заботъ о супружествѣ, чадородіи, о домѣ и семействѣ оставаясь выше печали и похоти, не отдѣляется отъ любви къ Богу и противостоятъ всякому искушенію, происходящему отъ дѣтей, жены, слугъ и имущества. У не имѣющаго дома меньше искушеній, и потому кто объ одномъ только себѣ печется, тотъ превзойденъ человѣкомъ, сохраняющимъ нравственную чистоту среди семейныхъ попеченій,—хотя, можетъ быть, послѣдній и ниже его съ точки зрѣнія личнаго совершенства ¹⁾). При всѣхъ своихъ занятіяхъ гностикъ всегда исполняетъ повелѣнія Господа и всегда полнъ высшей радости, потому что всегда онъ,—и вставъ съ постели, и среди дня, и на прогулкѣ, и во снѣ, и одѣваясь, и раздѣваясь, и уча сына, если у него есть дѣти,—всегда соединенъ съ Богомъ любовью, надеждою и благодарною молитвою ²⁾). Равнодушный къ земнымъ благамъ, совершенный гностикъ тѣмъ болѣе равнодушенъ къ бѣдствіямъ. Добродѣтель не въ чемъ-либо внѣ насъ, но именно въ насъ самихъ. Поэтому, если прочее кто-нибудь можетъ подавить, воюя противъ него,—то этого совершенно нельзя сдѣлать, при всѣхъ усиліяхъ, по отношенію къ тому, что внутри насъ: это Божій даръ,—не поддающій никакому внѣшнему давленію ³⁾). Отсюда надлежитъ удивляться стойкамъ, которые говорятъ, что душа ни къ чему не можетъ быть предрасположена тѣломъ,—ни къ пороку при болѣзни, ни къ добродѣтели при здоровьѣ, но то и другое, говорятъ, безразлично. Вотъ и Іовъ, сдѣлавшійся бѣднымъ изъ богатаго, безславнымъ изъ славнаго, безобразнымъ изъ прекраснаго, больнымъ изъ здороваго, намъ представленъ въ качествѣ благого примѣра по превосходству воздержанія и избытку вѣры: онъ постыжаетъ искушителя, благословляетъ Создателя, второе состояніе переносить, какъ и первое, и научаетъ, что всякими обстоятельствами прекрасно можетъ пользоваться гностикъ ⁴⁾).

Итакъ, душа мудраго и гностика, поселенная въ тѣлѣ, какъ бы въ гостинницѣ, пользуется имъ и всѣмъ земнымъ

¹⁾ Str. VII. 12. 874.

²⁾ Ibid. 880.

³⁾ Str. IV. 19. 620.

⁴⁾ Ibid. 5. 572

благочестно и съ должнымъ почтеніемъ, но безъ всякаго пристрастія; и если наступитъ время отшествія, то, оставивши скинію она говорить: «пришлецъ я на земли и странникъ между вами» (Быт. XXIII, 4) ¹⁾.

V.

Таковъ нравственный идеалъ по представленію Климента Александрійскаго. Если обратить вниманіе на источники, которые лежатъ въ основѣ его построения, то нельзя не признать, что они не ограничиваются однимъ только христіанскимъ ученіемъ.

Конечно, ученіе о богоподобіи, какъ нравственной задачѣ гностика, — пусть оно и сопоставляется у христіанскаго философа съ подобнымъ же ученіемъ Платона, — несомнѣнно почерпнуто изъ ясныхъ изреченій Св. Писанія, учащаго о томъ, что человѣкъ созданъ по образу и подобию Божію, и повелѣвающаго быть совершеннымъ и милосерднымъ, какъ Отецъ нашъ небесный (Мѡ. V, 46; Лк. VI, 36) быть подражателями Христу и Его апостоламъ (1 Кор. I, 6) и под. Но точнѣйшее опредѣленіе того, въ чемъ заключается это богоподобіе, — носить явное вліяніе философіи. Въ основу идеальнаго совершенства поставлено знаніе и самъ совершенный человѣкъ носить имя гностика. Конечно, и въ новозавѣтномъ ученіи знаніе истиннаго Бога ставится въ основу истинной жизни (Іоан. XVII, 3); самое это ученіе выступаетъ съ характеромъ высшей истины (Іоан. XVIII, 37), о возвѣстившемъ его Сынѣ Божіемъ говорится, что онъ далъ намъ свѣтъ и разумъ (1 Іоан. V, 20). Однако не трудно видѣть, что еретическія секты гностиковъ и Климентъ Александрійскій, особенно ударяя на знаніи, какъ основномъ элементѣ нравственнаго превосходства, — отдають дань и греческой философіи (а также и греческому происхожденію), въ этикѣ которой всегда за знаніемъ признавалось доминирующее значеніе.

Гносисъ по своей формальной сторонѣ представляется знаніемъ научнымъ, а по содержанію всеобъемлющимъ. И въ томъ и въ другомъ случаѣ Климентъ опять стоитъ въ зависимости отъ философіи.

¹⁾ Ibid. 26. 639.

Понятіе науки и доказательства онъ всецѣло переносить изъ философіи, своеобразно ихъ примѣняя къ христіанскому ученію. Даже въ томъ отношеніи, что непоколебимость христіанскаго гносиса онъ основываетъ на авторитетѣ Сына Божія, Которому нужно безусловно вѣровать, Климентъ, съ одной стороны, примыкаетъ къ выдающимся школамъ своего времени, гдѣ adeptамъ прежде всего предлагалось принять на вѣру догматы школы или ученіе учителя, — а съ другой, — примѣняетъ къ вѣрѣ, какъ основѣ знанія, разсужденія философской логики — объ основѣ доказательства.

Въ ученіи о гносисѣ какъ знаніи всеобъемлющемъ Климентъ стоитъ подъ прямымъ вліяніемъ этики стоической. Онъ хочетъ, чтобы его мудрецъ не только былъ равенъ мудрецу стоекковъ, но и превосходилъ его. Поэтому Климентъ, не обинуясь, приписываетъ ему ту же мудрость какъ знаніе вещей божественныхъ и человѣческихъ, которая отличала мудреца стоекковъ: послѣднему присуще было знаніе всего, совершающагося во вселенной. Конечно Климентъ утверждаетъ, что свое знаніе гностикъ получаетъ изъ Св. Писанія, примѣняя къ послѣднему аллегорическое толкованіе. Но и въ этомъ случаѣ нашъ писатель не оригиналенъ. Прямымъ предшественникомъ ему является Филонъ Александрійскій, который, сближая греческую философію съ Ветхимъ Завѣтомъ и утверждая, что ученіе первой заимствовано изъ послѣдняго, думалъ доказать это заимствование именно путемъ аллегорическаго изъясненія различныхъ мѣстъ ветхозавѣтнаго Писанія.

Отрицательная сторона въ собственно нравственномъ совершенствѣ гностика, т. е. апатія, прямо философскаго происхожденія, только съ нѣкоторою христіанскою окраскою. Въ этомъ случаѣ Климентъ зависитъ и отъ стоекковъ и отъ Платона, а прямѣе всего, отъ Филона, объединившаго въ своей философіи ученіе Платона и стоекковъ съ ветхозавѣтнымъ. Подавленіе страстей, по стоическому ученію, способствуетъ душевному равновѣсію и гармоніи, ибо разумъ тогда дѣйствительно бываетъ *ὀρθός*, т. е. находится въ правомъ, приличествующемъ ему, состояніи. Подавленіе страстей по ученію Филона способствуетъ отрѣшенію разума отъ чувственности, обнаруженію его въ большей чистотѣ, его безпрепятственной дѣятельности. И такъ какъ разумъ признается божественнымъ началомъ въ человѣкѣ и по стоической и по платоновской этикѣ, то страсти, противодѣйствующія ему, являются движе-

ніями души не только противоразумными, но и грѣховными: поэтому Филонъ и расширяетъ философское понятіе πάθος—отожествляя его съ понятіемъ грѣха, взятымъ изъ Ветхаго Завѣта. Апатія является, такимъ образомъ, состояніемъ и невозмутимаго покоя, душевнаго равновѣсія (стоики), и отрѣшенности отъ чувственнаго, неизмѣнности, тождества ума съ самимъ собою (Платонъ, Филонъ) и безгрѣшности (Библия). Такой же смыслъ имѣетъ апатія у Климента. Стремленіе нѣкоторыхъ изслѣдователей ¹⁾ смягчить въ этомъ случаѣ взгляды Климента, и придать имъ болѣе согласный съ евангельскимъ ученіемъ смыслъ грѣшать противъ прямыхъ словъ нашего писателя.

Понятіе созерцанія, завершающаго восхожденіе человѣка по пути добродѣтели, опять—разнообразнаго по своимъ источникамъ состава. О созерцаніи или лицезрѣніи Бога говоритъ и новозавѣтное ученіе, ставя его въ удѣль чистымъ сердцемъ (Мѡ. V, 2) и относя его къ будущей жизни: тогда, по апостолу, мы увидимъ лицомъ къ лицу то, что теперь видимъ зеркаломъ въ гаданіи (1 Кор. XIII, 12). Нужно сказать, что, говоря объ этомъ созерцаніи, Климентъ всегда и пользуется указанными мѣстами Новаго Завѣта и въ терминахъ, изъ нихъ заимствованныхъ, выражаетъ свою мысль. Однако онъ не затрудняется по обычаю объединить ученіе Св. Писанія съ подобнымъ ему ученіемъ философіи и въ этомъ случаѣ опять подпадаетъ подъ ея зависимость. Философское ученіе о созерцаніи было впервые высказано, какъ извѣстно, Платономъ и на почвѣ его взглядовъ развито Филономъ. У христіанскаго философа, созерцаніе, какъ психическій актъ, носитъ черты собственно платоновскаго ученія; хотя по своей религиозной окраскѣ оно приближается къ филоновскому. Перенести во всей полнотѣ филоновское ученіе о богосозерцаніи Климентъ не рѣшается, но нѣкоторые элементы изъ него несомнѣнно заимствуетъ. Онъ не говоритъ объ отрѣшенности гностика отъ своей личности во время созерцанія: наоборотъ, его гностикъ сохраняетъ полную сознательность и не теряетъ своей связи съ дѣйствительностью. Духомъ живя въ горнемъ мірѣ, онъ не порываетъ окончательно и съ этимъ міромъ: удовлетворяетъ необходимыя требованія тѣлесной природы и неумоимо проявляетъ дѣятельную любовь къ ближнимъ. Но абсолютная апа-

¹⁾ Cognat. о. с. 306—328.

тія, какъ отрѣшеніе отъ чувственности и сохраненіе ума въ состояніи безстрастнаго тожества—особенность и Климентова гностика, какъ Филонова мудреца. Эту черту гностическаго идеала лишь постольку можно находить въ ученіи Писанія, поскольку чистота душевная и здѣсь служить необходимымъ условіемъ лицезрѣнія Бога. Но Писаніе понимаетъ эту чистоту въ смыслѣ безгрѣшности,—а не въ смыслѣ філоновской апатіи. Впрочемъ, такъ какъ Писаніе само не даетъ опредѣленнаго ученія о психической сторонѣ богосозерцанія, то Климентъ, усвоивая платоно-філоновскую теорію, можетъ быть обвиняемъ собственно въ томъ, что онъ учитъ не тому только, что заключается въ Писаніи, а не въ томъ, чтобы онъ уклонился отъ опредѣленнаго ученія послѣдняго.

Несомнѣнно христіанская черта въ актѣ богосозерцанія—черта любви. Она превращаетъ этотъ актъ изъ теоретическаго и интеллектуальнаго въ жизненный: гностикъ не мыслью только объединяется съ Божествомъ и не умомъ только созерцаетъ Его, но и сердцемъ переживаетъ это объединеніе, пылая любовью къ Богу и прилѣпляясь къ Нему всѣмъ существомъ своимъ. Состояніе гностическаго созерцанія является вмѣстѣ съ тѣмъ не актомъ оцѣпенѣлой неподвижности ума, не возмущаемаго ничѣмъ чувственнымъ и сохраняющаго непоколебимое единство своей природы и тожества,—какъ это слѣдуетъ по философской апатіи, но актомъ живымъ и полнымъ жизни. Но и здѣсь слѣдуетъ отмѣтить, во первыхъ, что любовь въ состояніи созерцанія напоминаетъ платоновскій эрость, какъ обладаніе нравственно-прекраснымъ тоже въ актѣ созерцанія: Климентъ видитъ въ Спасителѣ олицетвореніе нравственно-прекраснаго и по истинѣ достойный предметъ любви (τὸ ἐραστόν) ¹⁾; во вторыхъ, что если философское ученіе объ отрѣшенномъ отъ жизни и неподвижномъ состояніи духа въ созерцаніи чрезъ привнесеніе любви христіанской теряетъ свою чистоту, то съ другой стороны и это ученіе о любви получаетъ своеобразную окраску отъ философскаго ученія объ апатіи: любовь опредѣляется какъ такое объединеніе любящаго сердца съ объектомъ любви, при которомъ не испытывается никакихъ душевныхъ движеній не только противоразумнаго, но и дозволяемаго разумомъ характера, какъ напр. радость.

¹⁾ Str. II. 5. 439. II 22. 630.

Цѣлью Климента при построеніи нравственнаго идеала было противопоставить истиннаго христіанина въ его совершенствѣ тому идеальному человѣку, въ которомъ видѣли образецъ совершенства философы и еретики-гностики. Этого Климентъ и достигаетъ чрезъ объединеніе въ своемъ гностикѣ чертъ, заимствованныхъ изъ евангельскаго ученія, съ совершенствами мудреца философіи и гностика еретиковъ и чрезъ устраненіе въ немъ того, что послѣдними неправильно признавалось за совершенство. Построить изъ столь богатаго и разнороднаго матеріала цѣльный образъ,—конечно, весьма трудная задача, и можно поставить вопросъ, насколько психологически осуществимо идеальное состояніе Климентова гностика. Тѣмъ не менѣе мы должны отдать справедливость выполнителю этой задачи въ томъ отношеніи, что онъ дѣйствительно воспользовался лучшимъ въ язычествѣ и искусно — въ его время, его положеніи и при той неформулированности христіанскаго ученія, какая была въ первые два вѣка христіанства,—объединилъ это ученіе съ нравственнымъ идеаломъ Новаго Завета. На основѣ идеи постепенности въ нравственномъ развитіи человѣка, идеи отчасти внушенной ему философією, отчасти собственной педагогическою дѣятельностью въ Александрійскомъ училищѣ святыхъ словесъ, онъ безъ противорѣчія совмѣстилъ въ своемъ идеалѣ разнородныя представленія философской этики. Такъ, умственное превосходство въ послѣдней носить различные типы: и какъ обоснованное на непоколебимыхъ аргументахъ научное знаніе, и какъ всеобъемлющее знаніе божескихъ и человѣческихъ вещей и какъ мистическое созерцаніе. Нравственное совершенство со стороны отрицательной полагалось въ апатіи,—со стороны положительной — въ согласномъ съ разумомъ настроеніи. Апатія — понималась и въ смыслѣ душевнаго равновѣсія и гармоніи, вслѣдствіе отсутствія противоразумныхъ аффектовъ,—и въ смыслѣ неизмѣннаго тождества духа, не колеблемаго рѣшительно никакими волненіями. Климентъ беретъ всѣ эти черты какъ матеріалъ для построенія своего идеала. Въ основѣ своего зданія онъ ставитъ христіанское ученіе о любви къ Богу и ближнимъ, и представляя эту любовь въ постепенномъ развитіи прикрѣпляетъ къ ней камни изъ матеріала философскаго. Высшее проявленіе любви—въ превосходящемъ мѣсто и время единеніи гностика съ Богомъ, къ Коему онъ неизмѣнно прилѣпляется всѣмъ сердцемъ своимъ: сюда присо-

единяется философское учение о созерцаніи—какъ актъ чистой мысли и объ апатіи, какъ состояніи неизмѣннаго тождества духа. Учение о знаніи, научномъ по формѣ и всеобъемлющемъ по содержанію, и объ апатіи какъ состояніи душевнаго равновѣсія, не исключаящемъ допускаемыхъ разумомъ волненій,—присоединяется къ ученію о любви—уже не въ мистическомъ ея пониманіи, а въ смыслѣ, болѣе согласномъ съ Евангеліемъ и обычнымъ взглядомъ. Такая любовь имѣетъ свое обнаруженіе въ добродѣтеляхъ философской этики; тогда какъ въ состояніи мистическаго созерцанія у гностика уже нѣтъ разнообразія добродѣтелей, ибо всѣ элементы добродѣтельнаго настроенія: знаніе, апатія и любовь воплотились въ его природу.

Какъ бы кто ни относился къ подобному опыту объединенія философіи съ христіанствомъ, никто не можетъ отрицать, что, съ точки зрѣнія современнаго Клименту образованнаго общества, въ его нравственномъ идеалѣ было соединено и притомъ въ достаточной гармоніи все, что представлялъ себѣ духовнымъ совершенствомъ въ человѣкѣ эллинскій, языческій міръ, съ тѣмъ, что привнесло христіанское ученіе—ученіе Бога, явившагося въ образѣ совершеннаго человѣка.

Д. Миртовъ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия — высшее учебное заведение Русской Православной Церкви, готовящее священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословских и церковных наук. Учебные подразделения: академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта — ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта — проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала готовятся в формате pdf, распространяются на DVD-дисках и размещаются на академическом интернет-сайте.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки